ХРОНОТОП ДОРОГИ В ПРОЗЕ В.Г.КОРОЛЕНКО

Oxana IVANOVA[1]

Оксана Иннокентьевна ИВАНОВА

АННОТАЦИЯ

Хронотоп дороги связывается в статье с трёхлетним вынужденным пребыванием В.Г. Короленко в Якутии в 1881-1884 годах и с поездкой писателя в Америку в 1893 году. И в рассказе «Сон Макара» (1885), и в повести «Без языка»» (1895) время является однонаправленным, события описываются в хронологической и логической последовательности, не изображаются события одновременные, но происходящие в разных местах. В «Сне Макара» читатель попадает в фантастическое пространство сновидения, ему предоставляется возможность проследить вначале за тем, как герой идёт во враждебную тайгу, где даже зайцы насмехаются над ним, а затем, после «обмирания» Макара, за путешествием его души в загробном мире. В американских текстах В.Г. Короленко наблюдается двойственность писателя в восприятии этой страны. С одной стороны, Америка в повести «Без языка» показана как мифологическое инфернальное пространство, преисподняя, в выстраивании сюжета автор использует мифологическую формулу «умирания» и последующего «воскресения» героя, а заезжий дом мистера Борка приобретает качества «антидома». С течением времени герой повести Матвей Лозинский начинает видеть положительные стороны Америки, экзотическая чужбина начинает проявлять человеческие черты.

Ключевые слова: Короленко В.Г., хронотоп, дорога, Якутия, тайга, Америка, Нью-Йорк, дом, антидом.

[1] Associate professor, Russian and Foreign Literatures Department, Faculty of Philology, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Sakha Republic, Russia, oxanaiva(at)mail.ru

ROAD CHRONOTOPE IN THE PROSE OF V.G. KOROLENKO

ABSTRACT

In the paper the road chronotope is connected with three years of forced staying of V.G. Korolenko in Yakutia in 1881-1884 and with the writer's trip to America in 1893. In the story "Makar's Dream" (1885), as well as in the novel "Without Language" (1895), the time is unidirectional, the events are depicted in logical and chronological sequence but the simultaneous events and actions occurring in different places are not depicted. In "Makar's Dream" the reader is placed into a fantastic dream area where he has the possibility to watch the character go to inimical taiga first, where even the hares mock him, and then, after Makar's "faint" readers follow the traveling of his soul to another world. In the American texts of V.G. Korolenko the duality of the country writer's perception can be seen. From the one hand, America in the novel "Without Language" is presented as a mythological infernal space, the hell, in the plot structure a mythological formula of the "death" and the following "resurrection" of the character is used by the author and the guest house of Mister Bork gets some characteristics of the "antihouse". From the other hand, in the process the character of the novel Matvey Lozinskiy begins to discern the advantages of America and the exotic foreign land starts to demonstrate its human sides.

Keywords: Korolenko V.G., chronotope, road, Yakutia, taiga, America, New-York, the house, the antihouse.

Ivanova, Oxana. " Hronotop puteshestvija v proze V.G.Korolenko". *idil* 5.20 (2016): 43-60.

Ivanova, O. (2016). Hronotop puteshestvija v proze V.G.Korolenko. *idil*, 5 (20), s.43-60.

Исследователь Н.Э. Бакиров в статье «Из наблюдений над поэтикой Короленко» приходит к выводу, что основным в поэтике писателя является хронотоп дороги и дорожных встреч и приключений; время является однонаправленным, течение времени постоянно отмечается в тексте; действительность, изображенная у Короленко, всегда исторически и географически конкретна; исключительно важное место в произведениях занимает природа, олицетворяя тот космос, в котором движется человечество; все произведения имеют открытый финал (Бакиров, 1976: 57-58). В хронотопе завязываются и развязываются сюжетные узлы. Можно прямо сказать, что им принадлежит основное сюжетообразующее значение (Бахтин, 1975: 398).

Почти три года – с ноября 1881 года по сентябрь 1884 года, - В.Г. Короленко пробыл в ссылке в Якутии. Влияние этого пребывания проявилось в поэтике произведений писателя. В творчестве В.Г. Короленко 1880-х годов внутреннее действие превалирует над внешним, события развиваются медленно, так как прерываются размышлениями автора. Связано с Якутией и появление в творчестве мотивов противления, бесприютности. Внимание к образам бродяг дает такую особенность поэтики Короленко, как интеллектуализм и философичность. В рассказах сибирского цикла характерно использование писателем композиционного приема «рассказ в рассказе» (рассказы «Сон Макара», «Соколинец», «Ат-Даван», «Мороз»). Прием освещения жизни «чистым зр ением» тоже связан с Якутией, так как не отягощённое нажитым чистое детское зрение близко незамутнённому новыми представлениями сознанию не испорченных цивилизацией народов, неискушённых в науке и культуре. Обостряется противопоставление светлого и темного, так как якутские реалии резко отличаются от того, к чему писатель привык, живя в Украине или центральных городах России. Это и суровые климатические условия, и несоответствие между мечтами людей о солнце и счастье и темнотой, невежеством народа, неизменно преследуемого болезнями и горестями. М.К. Азадовский справедливо отмечает, что Короленко зачастую подходит к жизненным явлениям и к человеку через природу (Азадовский, 1947: 16). Подобная особенность поэтики могла появиться под влиянием на мировосприятие писателя якутской ментальности. Короленко, как «южный» человек, впервые оказывается в таком месте, где как будто бы все препятствует благополучию местных жителей.

Наиболее известным произведением амгинского периода является рассказ «Сон Макара»(1885), первый вариант которого был написан непосредственно в Амге не позже января-февраля 1883 года. Композиционно рассказ распадается на две большие части. Первая часть рисует картину

безрадостного существования Макара, наполненного тяжелым трудом, голодом, унижениями. В этой части преобладает авторский план изображения. Автор показывает читателю своего героя, рассказывает о его роде занятий, образе жизни, о его мечте. Он пробуждает в читателе сочувствие к своему герою, влачащему беспросветное существование. Вторая часть воплощает мечту Макара о некой «горе», куда он мог бы скрыться от своей беспросветной жизни. Во второй части Макар осознает, насколько несправедлива по отношению к нему жизнь. К нему приходит мысль, что он не виноват в том, что лицо его темно, глаза мутны, а сердце «поросло бурьяном, и тернием, и горькою полынью» (Короленко, 1971а: 67). В этой части Короленко использует несобственно-прямую речь. Читатель получает возможность увидеть Макара как бы «изнутри», почувствовать и воспринять все так, как воспринимает и чувствует жизнь и себя в ней Макар. Сначала Макар недоволен тем, что и после смерти ему не дадут спокойно полежать. Он пытается отнять у татарина некогда украденного коня, не делится с татарином махоркой. Но затем он преображается в своей защитительной речи. На упреки старого Тойона обретший во сне красноречие Макар отвечает: «О каких это праведниках говорит Тойон? Если о тех, что жили на земле в одно время с Макаром в богатых хоромах, то Макар их знает… Глаза их ясны, потому что не проливали слез столько, сколько их пролил Макар, и лица их светлы, потому что обмыты духами, а чистые одежды сотканы чужими руками.<…> А между тем, разве он не видит, что и он родился, как другие, - с ясными, открытыми очами, в которых отражались земля и небо, и с чистым сердцем, готовым раскрыться на все прекрасное в мире? И если теперь он желает скрыть под землею свою мрачную и позорную фигуру, то в этом вина не его… А чья же? – Этого он не знает… Но он знает одно, что в сердце его истощилось терпение» (Короленко, 1971а: 67). Конечно же, подлинный Макар не мог говорить о богатых хоромах, о своей «мрачной и позорной фигуре» (Короленко, 1971а: 67). Это уже сам Короленко выступает в защиту своего героя. Композиция рассказа и двойной план изображения героя позволили высветить важную для писателя проблему характера и среды.

С первых же слов рассказа Короленко вводит читателя в экзотический хронотоп слободы, затерявшейся в далекой якутской тайге, где живут русские крестьяне, одичавшие, позабывшие родной язык и воспринявшие якутский. Прототипом для образа Макара послужил объякутившийся крестьянин Захар Цыкунов, в избе которого В.Г.Короленко проживал в Амге. События рассказа происходят в рождественский сочельник. Автор сознательно зашифровывает смысл происходящего и непонятно – во сне или наяву отправляется Макар в тайгу осматривать плашки. Этот прием призван подчеркнуть враждебность природы человеку, неустроенность его жизни, когда жизнь предстает как фантасмагория,

как сон, видение, настолько она препятствует полноценности бытия. Обратим внимание на хронотоп тайги: вначале она «безмолвная и полная тайны», затем, когда Макар проиграл в состязании на ловкость чалганцу Алешке, «…молодые деревья прямо, без всяких стеснений били его по лицу, издеваясь над его беспомощным положением» (Короленко, 1971а: 51). Зимний лес становится постепенно все более враждебным по отношению к обессилевшему человеку, и «даже дальние деревья протягивали длинные ветви на его дорожку и хватали его за волосы, били по глазам, по лицу» (Короленко, 1971а: 51). Не только деревья, но и птицы, и животные издеваются над бедным Макаром: «Тетерева выходили из тайных логовищ и уставлялись в него любопытными круглыми глазами, а косачи бегали между ними, с распущенными хвостами и сердито оттопыренными крыльями, и громко рассказывали самкам про него, Макара, и про его козни. Наконец в дальних чащах замелькали тысячи лисьих морд. Они тянули воздух и насмешливо смотрели на Макара, поводя острыми ушами. А зайцы становились перед ними на задние лапки и хохотали, докладывая, что Макар заблудился и не выйдет из тайги» (Короленко, 1971а: 51). Лишь после «смерти» Макара пейзаж резко меняется: «Теперь лиственницы стояли над ним смиренные, тихие, точно стыдясь прежних проказ» (Короленко, 1971а: 52).

Макару снится, что он умер, но переход от яви к сну очень тонкий, постепенный. Сам сон здесь ассоциируется со смертью. Но если тело Макара умирает, то душа, напротив, воскресает, вырывается на волю, свободу, простор и проявляет свое извечное стремление ввысь. Остается неясным, умирает ли Макар на самом деле? Писателем сознательно затуманен реальный факт, так как жизнь героя – это сон и смерть, смерть тела и сон души. «Сон» Макара, по сути, является обмиранием (обмирание – временная смерть, пограничное состояние между сном и явью). Обратимся к содержанию известной маньчжурской народной повести «Книга о шаманке Нисань». В эпоху правления в Китае династии Мин (1368-1644 гг.) на охоте в горах погибает молодой человек из богатой семьи. Шаманка Нисань вызывается вернуть его к жизни и отправляется за его душой в мир мёртвых. Она встречает множество душ, в том числе душу своего умершего мужа, и после бесчисленных испытаний и опасностей в сумраке нижнего мира находит душу молодого человека и возвращается с ней на землю; он оживает. Этот текст интересен не только описанием экстатического опыта шамана, но и как свидетельство шаманских истоков «темы Орфея», весьма значимой для материальных культов древнего мира. Совершенно очевидно, что здесь, как и в других подобных текстах в терминах трансперсонального описывается шаманская психотехника (Семёнова, 2009: 200-202). В.И. Тюпа в статье «Сибирский интертекст русской литературы» отмечает, что Сибирь в российском культурном сознании обрела характеристики и свойства мифологической страны

мертвых (Тюпа, 2009: 254). «Хронотопический образ Сибири в русской классической литературе представляет ее страной холода - зимы – ночи (луны), т.е. смерти в мифологическом на нее воззрении» (Тюпа, 2009: 255).

В центре сюжета рассказа «Сон Макара» стоит «рассказ в рассказе», собственно сон Макара. Снится Макару, что он умер, и попик Иван ведет его к большому Тойону на суд, то есть даже бога Макар представляет себе в якутском образе большого Тойона. Однако, согласно мнению Л.Н. Семёновой, Тойон, который вершит суд над Макаром, не есть эпический Юрюнг Аар Тойон. В традиции народа саха нет чётко сформированного представления о загробном мире, в эпосе простым смертным заказан вход в верхний мир, поэтому нет и более или менее детального описания верховного якутского божества (Семёнова, 2009: 202). Причем, и после смерти Макар недоволен существующими порядками, например, тем, что есть ему не дают, так как он уже не нуждается в пище, а между тем нужно далеко идти. Примечательно, что в хронотопе загробного мира актуальны и время и пространство, так как Макар с попом идут долго, судя по расстоянию, целую неделю, оставляя за собой пади, сопки, реки и озёра, леса и равнины.

В пути Макар встречает татарина, укравшего у него некогда лошадь, а татарин и после смерти продолжает хитрить. Это фантастический хронотоп сновидения, в котором пеший Макар легко обгоняет всадников, а «между каждыми двумя путниками лежали как будто целые сотни и тысячи верст» (Короленко, 1971а: 57). Макар среди всех встреченных им попутчиков отличается большей скоростью передвижения и спешит «приписать это своей добродетели» (Короленко, 1971а: 59). Путешествие Макара на суд начинается не на третий день, а сразу. При этом душа его не возносится сквозь воздушное пространство, а, в соответствии с языческими традициями, путешествует по земле на восток, это движение не по вертикали, а по горизонтали, по дороге (Телегин, 2009: 79).

Интересно, что в пейзажной зарисовке, перед тем, как Макар с попиком войдут в дверь избы, где живет большой Тойон, Короленко использует ассонанс, повторение гласной в начале каждого предложения, то есть анафору, характерную для сказовой манеры, в том числе для устного народного творчества якутов: «И в одном месте, на востоке, туманы стали светлее, точно воины, одетые в золото. И потом туманы заколыхались, золотые воины наклонились долу. И из-за них вышло солнце и стало на их золотистых хребтах и оглянуло равнину. И равнина вся засияла невиданным, ослепительным светом. И туманы торжественно поднялись огромным хороводом, разорвались на западе и, колеблясь, понеслись кверху. И Макару казалось, что он слышит чудную песню.

Это была как будто та самая, давно знакомая песня, которою земля каждый раз приветствует солнце» (Короленко, 1971а: 60).

Короленко хорошо понимал якутский язык, слушая якутские песни и олонхо. Печальная тональность якутской поэзии влияет и на настроение произведений Короленко, преобладающим душевным состоянием его героев которых становится тихая грусть. Интерес к эпосу якутов содействует некоторой перестройке сознания Короленко на якутский манер. Проникая в якутский эпос как в поэтическое выражение миросозерцания якутского народа, он усваивает те образы и формы, которые проявили национальное видение мира. В статье «В.Г. Короленко и якутское народное творчество» К.Ф. Пасютин отмечает, что В.Г. Короленко со дня приезда в якутскую ссылку и до последних дней своей жизни проявлял большой интерес к якутскому народному творчеству, собирал и изучал его, раскрыл его богатство и своеобразие, творчески использовал его в своих художественных произведениях, высоко ценил его, и сам испытал на себе его благотворное влияние (Пасютин, 1969: 230). От произведения к произведению все заметнее становится обогащение художественной манеры Короленко приёмами, подсказанными миросозерцанием, дополненным и в каких-то сторонах этого мировосприятия измененным под влиянием якутского начала (природы, окружения, искусства).

В своем рассказе Короленко, поддавшись очарованию якутских преданий, вознес Макара на высоту и дал ему возможность перед всевышним тойоном рассказать о своей тяжелой доле и доказать, что справедливости на земле не существует. Макар, конечно, не похож на сказочных богатырей олонхо, но в один момент, когда он в ответ на все упреки бога набрался смелости и силы и высказал перед ним всю видимую ему несправедливость – в это время он героически вырастает в богатыря, способного на любой подвиг за правду и искоренение зла.

Наконец, попутчики вошли в просторную избу, где встретили старого Тойона и его работников-«ангелов». Здесь Макару предстоит пройти испытание: достойно ли он прожил свою жизнь? В результате подсчетов грехи Макара перевесили его добрые дела. И тут произошло очередное чудо этого фантастического сна: Макар заговорил – свободно, «плавно и страстно» (Короленко, 1971а: 65). Г.А.Бялый отмечает, что в произведениях Короленко «амгинского периода начинает мелькать мотив кончающегося терпения» (Бялый, 1983: 43), этот же мотив можно назвать мотивом протеста. Именно из речи Макара мы понимаем, что его терпение иссякло. Многие литературоведы при этом ссылаются на текст записных книжек, где Макар выглядит гораздо более

грозным, чем в окончательном варианте: «…тогда во мраке сердце его переполнилось слепою яростью, и он стал засучивать рукава, готовясь вступить в драку… он знал, что при этом ему страшно достанется, но даже в этом находил какую-то жестокую отраду: если так, - пусть же его бьют… пусть бьют его насмерть, потому что и он будет бить… тоже насмерть» (Короленко, 1946: 484).

Мотив протеста, бунта, выражен в форме, соответствующей сознанию якутов. Это – примитивное, народное сознание, склонное к гиперболизации, к крайностям, к резким, контрастным краскам, к накалу чувств, к высшей степени их выражения, даже к некоторому экстазу.

Сам Короленко определил жанр рассказа как святочный, вероятно, только по внешним признакам. Главный же пафос этого произведения содержит внутреннюю скрытую полемику с установившейся в святочном рассказе художественной концепцией. Автор здесь переносит акцент с обычно умилённого изображения трогательного смирения героя на показ его героического сопротивления злу жизни. Это придает главному конфликту рассказа неожиданное новое качество, прямо противоположное традиционному нравственному смыслу жанра святочного рассказа.

В 1893 году по заданию журнала «Русское богатство» В.Г. Короленко побывал в США, на Всемирной выставке в Чикаго. По возвращении он создал целый ряд произведений, посвящённых впечатлениям от этой поездки. Американская тема в творчестве Короленко рассмотрена в статьях Е.Г. Савельевой (Савельева, 1998), О.И. Лыткиной (Лыткина, 2008) (Лыткина, 2011), В.Н Крылова (Крылов, 2015). В повести «Без языка»(1895) использованы непосредственные наблюдения Короленко, полученные за время поездки в качестве корреспондента журнала. Поездка в США не была случайной. Она совпала с работой Короленко над книгой очерков «В голодный год» (1893-1907), отвечая творческим замыслам писателя. Это была книга о бедственном положении русской деревни, связанном с отменой крепостного права и неумением и крестьян, и правящей верхушки общества приспособиться к новым условиям. США в то время были страной процветающего капитализма. В этой поездке писателя интересует, прежде всего «пригодность» для русского крестьянина новых капиталистических отношений, которые постепенно начали вторгаться и в российскую действительность. В повести «Без языка» география противопоставления расширяется, что влечет за собой углубление, обострение контраста.

Несколько позже писал об Америке и никогда не бывавший в ней австрийский писатель Ф. Кафка. Роман «Пропавший без вести (Америка)» создавался в 1911-1916 годах, был опубликован посмертно в 1927 году. Исследователь Ф.М. Контихош пишет, что из текста романа видно, что Кафка знал Америку довольно плохо. Он использовал информацию, почерпнутую из книг и из разговоров с людьми, бывавшими в этой стране или слышавшими о ней (Контихош, 2006: 95). А. Фучс в статье «Чемодан, паспорт и фотография: изображение унижения в «Пропавшем без вести» Кафки» отмечает, что Кафка создает миф об Америке как о стране неограниченных возможностей, о человеке как творце своей судьбы, о свободе и справедливости и т.д., то есть отражает те стереотипные европейские фантазии и желания, о которых говорится в первой главе, чтобы в дальнейшем их разрушить (Fuchs, 1995: 195). Америка в представлении Ф. Кафки – это страна, большие возможности которой открываются только перед самыми хваткими, беспринципными и хитрыми. В этой стране всегда прав тот, кто сильнее. Здесь духовные ценности равнозначны материальным, таким, как деньги и карьера. Последняя глава романа повествует о том, как юный Карл Росман устраивается на работу в театр, затем едет поездом куда-то вглубь Америки, где, может быть, сбудутся его надежды. Эта глава вызывает разночтения у исследователей. Согласно мнению Ф.М. Контихоша «грандиозное будущее, которое обещает Карлу Росману театр Оклахомы … контрастирует с катастрофами, отличающими финалы романов Кафки» (Контихош, 2006: 94). Иная точка зрения у исследователя Д.В. Затонского. Он приводит в пример дневниковую запись Кафки, датированную 30 сентября 1915 года: «Росман и К., невинный и виновный, в конечном счёте оба равно наказаны смертью, невиновный – более легкой рукой, он скорее устранён, нежели убит». Исходя из этой записи, Затонский приходит к выводу, что «Оклахомский театр – символ рая, ожидающего Карла Росмана за порогом смерти» (Кафка, 1995: 523).

Росман – такой же эмигрант, как и Матвей Лозинский у Короленко, оба они попадают в чуждую для них реальность. Сближает их и наивность: у Росмана она объясняется возрастом, ему всего шестнадцать лет, а у Матвея Лозинского, согласно авторской характеристике, «глаза и сердце – как у ребенка» (Короленко, 1971b: 11).

Матвея в Америке называют Дикарем, что позволяет сравнить его с Простодушным Вольтера или с Дикарем Джоном О. Хаксли, впервые увидевшим «дивный новый мир». В повести «Без языка» наблюдается та же ситуация русского простого человека за границей, что и в «Левше» Н.С. Лескова. Финал – Матвей на нью-йоркской пристани с грустью всматривается в туманную синеву океана, отделяющую его от родины – перекликается с эпизодом из «Левши»:

Левша сидит на палубе парохода, возвращаясь домой, и «к родине смотрит…». «Плохо русскому человеку на чужбине и, пожалуй, хуже всего в Америке, - писал Короленко своей давней знакомой по ссыльным скитаниям Э.Л. Улановской, - … там русский человек тоскует больше, чем где бы то ни было, в т.ч. и такой русский человек, который знавал Якутскую область» (Короленко, 1956: 206). Мотив тоски по родине как бы передан Короленко своему герою («…вдруг вспомнилась равнина, покрытая глубоким мягким снегом, звон колокольчиков, высокий бор по сторонам дороги…»). Короленко писал жене 6/18 августа 1893 г. из Нью-Йорка: «Бог с ними, с Европами и Америками! Пусть себе процветают на здоровье, а у нас лучше. Лучше русского человека, ей-богу, нет человека на свете» (Короленко, 1956: 197).

Матвей и Дыма Лозинские – герои повести - отправляются в поисках счастья в далекую Америку. Заглавие повести «Без языка» подчеркивает мысль о том, что весь душевный строй Матвея, лучшие стороны его натуры – прирожденная честность, трудолюбие, любовь к человеку – оказываются чуждыми понятиям и нравам чужой страны. Он живет в непонятном для него мире. Характерологический смысл заглавия проявляется по принципу – человек живет и чувствует словами, языком или язык – это сознание человека. С другой стороны Матвей не умеет хорошо изъясняться и на родном волынском наречии. Короленко отмечает, что он «говорил мало…никогда его в Лозищах умным не считали» (Короленко, 1971b: 11). Разговаривая с новым знакомым Ниловым уже в Америке, «Матвей наморщил лоб, и сам удивился тому, как трудно идут из головы слова и мысли» (Короленко, 1971b: 140). И далее: «… И, вспоминая недавний разговор, он чувствовал, что не знал хорошо себя самого и что за всем, что он сказал Нилову, - за коровой, и хатой, и полем, и даже за чертами Анны – решительно не мог бы ни сказать, ни определить в собственной мысли… Но было это глубоко, как море, и заманчиво, как дали просыпающейся жизни…»(Короленко, 1971b: 142). Матвей не умеет легко и просто выражать свои мысли и желания.

У Матвея Лозинского есть мечта об идеальной деревне. Из-за этой мечты «Лозищи показались им <Матвею и Дыме – О.И.> бедны и скучны», из-за нее «они проехали моря и земли». Эта деревня в представлении Матвея выглядит как прямой контраст родным Лозищам: «Такая же, как старая, только гораздо лучше… Такие же люди, только добрее. Такие же мужики, в таких же свитках, только мужики похожи на старых лозищан, еще не забывших о своих старых правах, а свитки тоньше и чище, только дети здоровее и все обучены в школе, только земли больше, и земля родит не по-нашему; только лошади крепче и сытее, только плуги берут шире и глубже, только коровы дают по ведру на удой…

И такие же села, только побольше, да улицы шире и чище, да избы просторнее и светлее, и крыты не соломою, а тесом… а, может быть и соломой, - только новой и свежей… И, должно быть, около каждого дома – садик, а на краю села у выезда корчма с приветливым американским жидом, где по вечерам гудит бас, тонко подпевает скрипка и слышен в весенние теплые вечера топот и песни до ранней зари, - как было когда-то в старые годы в Лозищах» (Короленко, 1971b: 48-49). Но во сне Матвей видит кого-то без лица, огромного, который кричит ему: «Глупые люди, бедные, темные люди. Нет такой деревни на свете, и нет таких мужиков, и господ таких нету, и нет таких писарей. И поле здесь не такое, и не то здесь в поле родится, и люди иные» (Короленко, 1971b: 50).

Кроме того, как и в рассказе «Сон Макара», Короленко использует здесь анафору в лирическом отступлении о море (Дыма и Матвей едут в Америку на корабле): «И вот теперь в эту вековечную гармонию, в это живое движение вмешался дерзкий и правильный ход корабля… И песня моря дрогнула и изменилась, и волны разрезаны и сбиты, и кто-то в глубине со страхом прислушивается к этому ходу непонятного чудовища из другого, непонятного мира… И казалось Лозинскому, что вот он смотрит со страхом сверху, а на него с таким же ужасом кто-то смотрит снизу… И много в эти часы думал Матвей Лозинский, - жаль только, что все эти мысли подымались и падали, как волны, не оставляя заметного следа, не застывая в готовом слове, вспыхивали и гасли, как морские огни в глубине… И по глазам было видно, что какой-то огонек хочет выбиться на поверхность из безвестной глубины этой простой и темной души… И порой слеза подступала к глазам, и порой – смешно сказать – ему, здоровенному и тяжелому человеку, хотелось кинуться и лететь, лететь, как эти чайки, что опять стали уже появляться от американской стороны… Лететь куда-то вдаль, где угасает заря, где живут добрые и счастливые люди…»(Короленко, 1971b: 18-19).

Матвей Лозинский предстает в этом отрывке как простой и добрый, сильный человек, необычайно цельная натура, в душе которого есть место для поэзии, для чистой и красивой мечты. Кроме того, вспоминается и известный афоризм Короленко: «Человек создан для счастья, как птица для полета». В этом отрывке Матвей Лозинский представляет себя птицей-чайкой, ему хочется воспарить над морем, над обыденностью и найти для себя землю обетованную, где живут добрые и счастливые люди.

Этот отрывок напоминает и знаменитые лирические отступления в поэме Гоголя «Мёртвые души», и ритмический строй тургеневских миниатюр в его «Стихотворениях в прозе». Н.К. Пиксанов в статье «Лиризм в творчестве В.Г.

Короленко» утверждает: «…Короленко глубоко лиричен… лиризм есть не только придаток к его эпическому повествованию, как «отступления», но являет собой истинную стихию его творчества, имманентен его поэзии» (Пиксанов, 1979:141). Частое использование для ритмизации текста именно анафоры (в числе прочих приемов) говорит об определённом влиянии на стиль Короленко якутского устного народного творчества.

Опыт якутской ссылки, на наш взгляд, обострил восприятие цивилизованного мира, механизированной культуры, которые, по контрасту с дикой жизнью Якутии, стали восприниматься более выпукло, ярко, объёмно и детально. Сознание автора четко высвечивает все достижения цивилизации и видит «оборотную сторону медали», издержки капиталистического производства, новой демократии. Неискушенный в науке и культуре герой-правдоискатель нравственно вознесен над людьми, подверженными власти денег.

Здесь чувствуется углубление взгляда автора на проблему языка и сознания. В поэтической форме в рассказе выражена мысль о том, какова связь между сознанием и языком. То, что происходило в сознании самого автора как отголосок якутского опыта, требовало изменений как в содержательном плане, так и в поэтике. Возможно, чувствуя это, Короленко через мучительные поиски Лозинским слов, могущих передать его новые мысли и чувства, опосредованно отмечает свои внутренние творческие побуждения, приводящие к обращению к приемам, дающим новые формы, адекватные новому содержанию.

Время у Короленко однонаправленное, но если однонаправленное время фольклора является замкнутым, природно-циклическим, то у Короленко – оно открытое, насыщенное социальными противоречиями действительности, определённое в общем потоке истории. Как и в фольклоре, для которого характерен так называемый «закон хронологической несовместимости», у Короленко никогда не изображаются события одновременные, но происходящие в разных местах. Обычные у романистов выражения типа: «тем временем», «в то время как», «а в это время» и т.п. – не наблюдаются у писателя (Бакиров, 1979: 8-9). В повести мы встречаемся со следующими указаниями на время: через год или два, а может и больше, пришло в Лозищи письмо от Осипа Лозинского; на двенадцатый день от начала пути на корабле герои подплывают к американской земле; несколько дней газеты города Нью-Йорка, благодаря лозищанину Матвею, работали очень бойко; Матвей проспал целые сутки; ещё через неделю Нилов сказал ему, что они отправятся вместе в Дэбльтоун.

Хронотоп Нью-Йорка строится Короленко на противопоставлении американского города родным героям повести Лозищам. В первую очередь Матвея, Дыму и Анну удивляют размеры всего, что они видят вокруг: огромная фигура женщины (статуя Свободы), огромный мост, исполинские дома, огромные пароходы. Всё это вызывает у Матвея Лозинского ощущение ужаса, он чувствует себя «как иголка в траве». Матвея раздражают звуки Нью-Йорка: шум машины, рокотание, гул; то, как американцы громко визжали, свистели и кричали «ура»; гудение улицы; лязгание железа о железо; страшный, тяжёлый грохот. Город у Короленко приобретает мифологические характеристики ада: после шума родного бора и шёпота тростников над тихою речкой Лозовою героям показалось, что они попали в самое пекло, а уличные мальчишки названы «дьяволятами» (Короленко, 1971b: 30). Поезда здесь ходят по воздуху, платформы находятся на уровне третьих этажей домов. Окружающее кажется персонажам нереальным, внушает страх. В повествование вводится фраза, напоминающая сказочную: герои «стоят ни на земле, ни на горе и собираются лететь по воздуху в какой-то машине». После такой поездки персонажи ощущают себя «точно слепые» (Короленко, 1971b: 34).

Элементарная последовательность событий в мифе может быть сведена к цепочке: вхождение в закрытое пространство – выход из него (цепочка эта открыта в обе стороны и может бесконечно умножаться). <…> закрытое пространство может интерпретироваться как «пещера», «могила», «дом»…(Лотман, 2010: 283). Героям повести улица Нью-Йорка кажется какой-то пещерой: «Дома темные, высокие, выходы из них узкие, да ещё в половину домов поверх улицы сделана на столбах настилка, загородившая небо…»(Короленко, 1971b: 30). Большое значение в повести приобретает хронотоп дома. Заезжий дом в Полесье кажется Матвею настоящим «домом», дом же мистера Борка, в котором он сдает кровати, можно считать «антидомом». У дома в Полесье белые стены, широкие ворота чернеют приветливо и приятно. Опрятный крытый двор, ухоженные колодезь и ясли для лошадей, лёгкий запах дёгтя и душистого сена – всё дышит устойчивостью, спокойствием и благополучием. Антидом мистера Борка тёмен и неприятен, в открытое окно комнаты видна линия воздушной дороги. С улицы доносится лязг и грохот, клубы пара и дыма от проезжающих поездов врываются прямо в помещение. Мнение Матвея об Америке подтверждается и словами барыни, пришедшей к Борку нанять на работу Анну: «Проклятая сторона, проклятый город, проклятые люди» (Короленко, 1971b: 39).

Если в якутских произведениях Короленко ракурс повествования был однонаправленный, то есть, как правило, окружающая экзотическая действительность освещалась глазами автобиографического повествователя, то в

рассказе «Без языка» этот ракурс изменяется. С одной стороны, читатель сталкивается с оценкой американской действительности глазами Матвея Лозинского. Для Матвея в Америке всё незнакомо, американскую природу он воспринимает как странную, для него здесь чужие и небо, и закат, и море. Поссорившись с Дымой, он потерялся в огромном городе. Не зная обратной дороги к дому мистера Борка, Матвей попадает в Центральный парк. Короленко пишет: «До ушей Матвея донёсся шум деревьев. Лес всегда тянет к себе бесприютного бродягу» (Короленко, 1971b: 89). Согласно Ю.М. Лотману, перемещение «в лес» и возвращение – обычная мифологическая (а затем – сказочная) формула умирания и воскресения (Лотман, 2010: 280). Идя по парку, герой рассказа думает, что факел в руке статуи Свободы освещает вход в огромную могилу. Допустимо констатировать «лиминальное» состояние Матвея, состояние на пороге смерти. В парке с Матвеем случилось происшествие, о котором он вспоминал потом всю жизнь. Матвей встретил незнакомца, который попробовал с ним заговорить, но так как лозищанин ответил ему враждебным тоном, диалог не состоялся. Наутро Матвей увидел незнакомца повесившимся. После этой страшной ночи в парке в сознании героя наступает перелом.

Не владеющий английским языком Лозинский не понимает, что происходит вокруг него, не может соответствующим образом оценивать различные ситуации, в которые попадает. Оказавшись на митинге безработных, Матвей напал на полицейского, ударившего его клобом. Из газетных статей, посвящённых этому событию, складывается оценка Матвея американцами. Ученые джентльмены высказывали разные мнения по поводу национальности Дикаря и, исходя из «разрушительной тенденции незнакомца и его беспредельной ненависти к цивилизации и культуре», причислили его к славянскому племени (Короленко, 1971b: 107). Американская действительность является экзотикой для Матвея, и сам он чужд и странен для американцев, начиная с его внешности, одежды, манеры поведения, привычек и заканчивая мировоззренческими установками. Исследователь Е.Г. Савельева отмечает, что если сюжет повести выдуман, то все реалии американской жизни, увиденные волынским крестьянином – это картины, поразившие самого писателя. То есть Короленко решил удивительную задачу: собственные наблюдения и впечатления он передал так, как будто это были впечатления неграмотного крестьянина. От этого они ещё более выиграли в яркости и убедительности (Савельева, 1998: 85). В произведениях, посвящённых Якутии, в восприятии автобиографического повествователя дикарями представлялось аборигенное население, а в американском рассказе, напротив, местным населением называется дикарём человек одной национальности с Короленко. Каждый раз ложно декодируется движение Матвея: он кланяется, чтобы поцеловать руку полицейского или других

людей, американцами же это движение понимается как желание укусить. Американцы называют этот жест персонажа «этнографической загадкой». Характерно, что герою рассказа мешает не только незнание языка, но и разница невербального общения на родине Лозинского и в Америке. Впоследствии повествователь будет оценивать разность между русскими и американцами в положительном ключе, герой уже не будет кланяться и тянуться к руке при виде русской барыни, поселившейся в Нью-Йорке. Так же и для Нилова американский образ жизни во многих аспектах кажется более привлекательным по той причине, что люди здесь ощущают себя равными по отношению друг к другу, в то время как на родине Матвей был бы простым крестьянином, а Нилов – сыном барина.

Повесть «Без языка» вобрала в себя два источника, две новые для Короленко жизни – опыт якутской ссылки и впечатления от Америки. Причём, «американский» опыт наложился на «якутский». Это привело в движение работу ума и души. Писатель обращается к коррекции своего мировидения, к пересмотру некоторых положений своей идейной позиции. Его сознание находится «в пути», и для выражения ускоренного движения мыслей и чувств, этого подвижного состояния творческого процесса потребовалась адекватная форма, что и явилось причиной существенных дополнений и изменений в поэтике. Косвенным намёком на трудный период творческих поисков автора, возможно, являются языковые муки героя его повести.

В.Н. Крылов отмечает амбивалентность отношения писателя к Америке (Крылов, 2015: 38). Особенно ярко она проявляется в письмах В.Г. Короленко 1919-1920 годов. В 1919 году писатель пишет письмо «К честным людям за границей», обращаясь, в основном, к американцам, за помощью в пользу голодающих в России людей. Писатель-гуманист, как известно, не принял Октябрьскую революцию. Во втором письме, адресованном А.В. Луначарскому, от 29 июня (11 июля) 1920 года, сравнивая ситуацию в России и в Америке, Короленко пишет, что отсталая Россия пошла по социалистическому пути в то время как развитые страны, такие, как США и Германия, отказываются примкнуть к социальной революции (Неизданный В.Г. Короленко, 2013: 252). В четвёртом письме тому же адресату автор писем отмечает, что славянская культура мягче англосаксонской: «У нас даже смертная казнь введена греками вместе с христианством. Но это не мешает мне признать, что в Америке нравственная культура гораздо выше. <…> …молоденькая девушка может безопасно путешествовать по всей стране, охраняемая твёрдостью общественных нравов. Можно ли то же самое сказать о наших нравах? У нас такая путешественница может на всяком шагу попасть в сети общей нашей распущенности и развращённости» (Неизданный В.Г. Короленко, 2013: 270).

Таким образом, и вынужденное путешествие Короленко в Якутию, и поездка в Америку расширили кругозор писателя, дали ему взглянуть на «своё», «родное» глазами человека иной культуры. Всё это обогатило художественную манеру писателя, проявилось в творчестве появлением новых мотивов, приёмов, повествовательных ракурсов. Тем материалом, который был собран во время путешествий, писатель вдохновлялся на протяжении всей последующей жизни. И в рассказе «Сон Макара», и в повести «Без языка» хронотопу дороги принадлежит сюжетообразующее значение, в том и в другом случае автор обращается к экзотическому для писателя и читателя пространству Якутии и Америки. Якутская природа шокировала писателя своей суровостью, враждебностью по отношению к человеку. В рассказе «Сон Макара», который сам Короленко назвал святочным, используется, по сути, фольклорный жанр обмирания, то есть описывается путешествие души героя по загробному миру. Отсюда фантастичность хронотопа, заключающаяся в скачках героя в пространстве: в своем сне он легко обгоняет скачущих из всех сил на лошадях всадников. Тем не менее, события описываются в хронологической и логической последовательности. По М.М. Бахтину, дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути, поэтому хронотоп дороги так конкретен, органичен, так глубоко проникнут фольклорными мотивами (Бахтин, 1975: 271). Время в повести «Без языка» однонаправленное, пространство Нью-Йорка противопоставляется родным Матвею Лозищам, город приобретает характеристики ада, а дети здесь сравниваются с «дьяволятами». Для героя это чуждое пространство, чужды здесь ему и природа, и люди, дорога героя в парк означает состояние Матвея на пороге смерти. И в «Сне Макара», и в написанной спустя десять лет повести «Без языка» мы можем констатировать обращение писателя к мифологическому сюжету: «обмирание» Макара в холодной Амге и «лиминальное» состояние Матвея в «адском» пространстве Нью-Йорка.

Библиография

Азадовский, М.К. Якутия в творчестве В.Г. Короленко// В.Г. Короленко в амгинской ссылке (Материалы для биографии). Якутск: Якутское государственное излдательство, 1947. С. 5-25.

Бакиров, Н.Э. Из наблюдений над поэтикой Короленко// Русская литература и освободительное движение: Сборник/ Ученые записки Казанского пед. ин-та. Вып. 168. Казань, 1976. С.31-60.

Бакиров, Н.Э. Основные принципы поэтики Короленко: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Томск, 1979. 18 с.

Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

Бялый Г.А. В.Г. Короленко. Л.: Художественная литература, 1983. 352 с.

Кафка, Ф. Сочинения. В 3 т.Т.1: Рассказы, 1904-1922; Пропавший без вести (Америка): Роман. М.: Худож. лит.: Харьков: Фолио, 1995.

Контихош, Ф.М. Франц Кафка. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 158 с.

Короленко, В.Г. Сибирские очерки и рассказы: В 2 ч. Ч.1. М.: Гослитиздат, 1946.

Короленко, В.Г. Собрание сочинений: В 10 т. Т.10. Письма 1879-1921. – М.: Гослитиздат, 1956.

Короленко, В.Г. Собрание сочинений: В 6 т. Т.1. М.: Правда,1971a.

Короленко, В.Г. Собрание сочинений: В 6 т. Т.4. М.: Правда,1971b.

Крылов, В.Н. Диалог «своего» и «чужого» в американских впечатлениях В.Г. Короленко// Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т.157. №2. С.28-43.

Лотман, Ю.М. Семиосфера. С.-Петербург: Искусство-СПБ, 2010. 704 с.

Лыткина, О.И. Американский миф В.Г. Короленко//Альманах современной науки и образования. 2008. №8-2. С.110-112.

Лыткина, О.И. Концептосоставляющие «Америки» в рассказе В.Г. Короленко «Без языка»// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.2011.№6(2). С. 382-385.

Меламед, Е.И. Такая яркая жизнь…//Полярная звезда. 1981. №3. С. 117-123.

Неизданный В.Г. Короленко. [В 3 т. Т.3]: Публицистика 1919-1921: [сб. ст.]. М.: Пашков дом, 2013. 464 с.

Пасютин К.Ф. В.Г. Короленко и якутское народное творчество// Труды историко-филологического факультета. Якутск, 1969. С.225-230.

Пиксанов, Н.К. Лиризм в творчестве В.Г. Короленко// От Грибоедова до Горького. Из истории русской литературы. Межвузовский сборник. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. С. 141-143.

Савельева, Е.Г. Американские впечатления В.Г. Короленко и повесть «Без Языка»// Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 2. 1998. Вып. 1. № 2. С. 85-90.

Семёнова, Л.Н. «Сон Макара» В.Г. Короленко: к вопросу о типологии фольклорно-мифологического мотива// Акутальные проблемы функционирования, преподавания и изучения русского языка и литературы в современных условиях: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 19-21 ноября 2008 г. Часть I. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2009. С.199-202.

Телегин, С.М. Мифореставрация рассказа В.Г. Короленко «Сон Макара»// Филologos. 2009. Т. 3-4. №6. С.75-88.

Тюпа, В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия»,2009. 336 с.

Fuchs, Anne. A Suitcase, Passport and a Photograph: The Iconography of Abjection in Kafka`s `Der Verschollene`// Text Into Image: Image Into Text. Proceedings of the Interdisciplinary Bicentenary Conference held at St. Patrick`s College Maynooth (The National University of Ireland) in September 1995. Edited by Jeff Morrison and Florian Krobb. The Netherlands: Amsterdam-Atlanta, GA, 1997.